

НА ДАЧЕ ЛЕТОМ

Есть труд до пота, ломоты
во всех суставах,
но есть мгновенья лепоты –
и где усталость?

Есть труд до одури в висках,
но есть и роздых,
когда дрожащий у леска
ты видишь воздух.

Покажется, – навек остыл
ты сердцем старым.
И вот сжигаешь все мосты
в костре из тары.

Рукой махнёшь и скажешь: – Пусть,
а что беречь нам?
Осветит вечный Млечный путь
наш путь невечный.

Всё, что пройдёт, проходит пусть,
пусть не тревожит.
И только вздрогнет вишни куст
как бы от дрожи.

Произойдёт всё это пусть
на даче летом.
И только вздрогнет вишни куст
как бы от ветра.

СВЯЗИ КОРНЕВЫЕ

Да, мы рождаемся на белый свет,
когда ещё нас и в помине нет.
Нас нет, а мы весь мир в себя вбираем
и долго после смерти умираем.
И долго после смерти мы живём,
себя в грядущих временах находим,
к праправнукам из влаги дождевой
являемся и в играх верховодим.
Прапамять в нас живуча и прамир,
который в нас вселяется украдкой:
нам кажется, что безмятежно спим,
но океан бушует, гром гремит
и мир трещит по швам от беспорядка.
Озвучен мрак гуденьем жёлтых ос:
огонь, добытый пращуром впервые,
нам череп жжёт, и из корней волос
растут и крепнут связи корневые.
Мы втянуты в круговорот веществ,
в нас чувства возникают не впервые:
и наш привычный, всем знакомый жест,
быть может, был реакцией существ

на ощущенья, смутно болевые.
Когда б мы знали, что художник, Бог
(как хочешь назови творящее начало)
нас даже пожалеть в сердцах не смог:
порвал изображение, смял в комок
телесный матерьял и начал всё сначала.
поэтому и кажется порой,
что не впервой живём, что вроде жили,
и знаем, где малейший поворот
дороги и судьбы и что вот-вот
возникнем снова из телесной пыли.

ПОСЛЕДНЯЯ ПОРА

Пришла последняя пора –
давно уж дед, не батя я –
поднять на острие пера
всю неподъёмность бытия.

Так в потно-жгучий сенокос
копну пытаешься навскид
поднять – трещит и ломит кость –
пока допрёшь копну до скирд.

Летит труха за воротник,
а ость вцепилась в волоса,
и тело чешется от них,
лицо от пота всё в слезах.

Когда воздвигнется гора,
нет – холм, что шлем богатыря,
как маковка церковей, как храм,
поймёшь – трудился ты не зря.

Кто в стужу летний запах пил,
тот лишь поймёт – почём страда.
А как ломало древко вил –
забыл, как жаждал и страдал.

* * *

Высокие стебли тела
в шёлковой кожице ощущений,
растущие из лаковых луковиц туфель,
ласковые ноги любимой.
Их томительный восторг парения
над тёплым гнездом материнства.
О, надменные ноги измен
и надломленность ног отчаяния,
ноги усталости, страха
и печальные ноги грусти.
Раненый крик каблуков
от застрявшей занозы боли.
Уходящие ноги любви
под тоскующий танец взгляда.
Тихий плач одиночества сомкнутых вёрст
за жестокой спиной ухода.
Чуткие ноги свиданий,
трепетная радость приближения
к порогу любви.
Озноб первых прикосновений,
незнакомая дрожь желания.
О, быстрые ноги жизни!

СУДЬБА ХЛЕБОРОБА

Я скошенной рожью
иду по стерне,
босые подошвы
горят, как в огне.

Но знаю с пелёнок
труда череду.
Спросонья, спросонок
иду на страду.

И гнуса укусы,
ступая, стерплю.
Пусть щиплет, как гуси,
стерня за стопу.

Ступает упрямо
босая ступня.
Ступать – наше право
и наша судьба.

В лихую годину
и в чёрные дни
стернёю и глиной
ступали ступни.

Есть воля. Есть доля
толпы и вождя.
А нам только б поле
дожать до дождя.

Кому – за границу,
кому – в гастроном.
Земля сохранится
отборным зерном.

Я в детство босою
ногою шагну.
Стерней и росой
ступни обожгу.

Я счастлив босыми
ногами шагать.
Росой России
ступни обжигать.

* * *

На последнем пределе
сил последних уже
надо думать о деле
и радеть о душе.

И среди обстоятельств,
не подвластных, увы,
не терять своей стати,
не склонять головы.

И пусть небо в овчину,
и слеза пусть в кулак,
оставаться мужчиной –
только так, только так.